

© 2005 г.

DIONYSII ALEXANDRINI sive PERIEGETAE ORBIS DESCRIPTIO

ДИОНИСИЙ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ (ПЕРИЭГЕТ) ОПИСАНИЕ ОЙКУМЕНИ

Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарии
Е. В. Илюшечкиной*

Датировка «Описания ойкумены» и время жизни автора долгое время были предметом дискуссии – позднеантичные и средневековые схолии лишь отмечают, что Дионисий (по прозвищу Периегет) жил во времена Римской империи. Вследствие недостатка сведений предлагаемые исследователями датировки поэмы колебались от I в. до н.э. вплоть до конца античности. Лишь сравнительно недавно обнаружилось, что сам Дионисий скрыл сведения о своей родине и времени жизни в акростихах поэмы, согласно которым произведение Дионисия из египетской Александрии создавалось между 117 и 138 гг. при императоре Адриане¹. «Описание ойкумены» представляет собой географическую поэму, относящуюся к дидактическому жанру, со всеми присущими такого рода сочинениям чертами – неукоснительным следованием избранному размеру (в данном случае – гекзаметру), этнонимическим разнообразием в целях риторической «расцветки» текста, занимательностью и т.п.² В прологе Дионисий намечает основные темы сво-

* Выражаю глубокую благодарность Фонду им. Александра фон Гумбольдта, предоставившему мне в 2003–2004 гг. возможность для научной работы в Мюнхенском университете (LMU) и в Государственной Баварской библиотеке (Мюнхен) в рамках Программы Федерального канцлера (Bundeskanzler-Stipendium).

¹ *Leue G.* Zeit und Heimath des Periegeten Dionysios // *Philologus*. 1884. 42. S. 175–178; *idem*. Noch einmal die Akrosticha in der Periegesis des Dionysios // *Hermes*. 1925. 60. S. 367–368; *Unger G.Fr.* Dionysios Periegetes // *JClPh*. 1887. 35. S. 53 ff.; *Crusius O.* Dionysius Periegetes und die imbrische Hermesdienst // *JClPh*. 1889. 37. S. 525 ff.; *Klotz A.* Zu Dionysios Periegetes // *RhM*. 1909. 64. S. 474–475; *Wachsmuth C.* Zu den Akrostichen des Dionysius Periegetes // *RhM*. 1889. 44. S. 151–153; *Nauck A.* Zu Dionysius Periegetes // *Hermes*. 1889. 24. S. 325; *Counillon P.* Un autre acrostiche dans la Périégèse de Denys // *REG*. 1981. 94. P. 514–522; *Илюшечкина Е.В.* О двух акростихах в географической поэме Дионисия Периегета // *Восточная Европа в древности и Средневековье. Автор и его текст. Материалы конференции. М., 2003. С. 100–103.*

² *Bowie E.* Denys d'Alexandrie: un poète grec dans l'empire romain // *REA*. 2004. T. 106 (1). P. 177–185.

ей поэмы («воспевать сушу и широкое море, реки и города, бесчисленные народы», ст. 1–2), затем говорит о форме земли, уподобляя ее праще (ст. 1–26), и переходит к описанию океана и Средиземноморья (ст. 27–160), материков – Ливии (= Африки) (ст. 174–269), Европы (ст. 270–446), островов (ст. 447–619), Азии (ст. 620–651), разделяя ее на северную (ст. 652–880) и южную (ст. 881–1165) части; завершается поэма эпилогом (ст. 1166–1186).

Последовательное описание сухопутного пути (в терминологии древних – «периегеза», «период», «хорография») или морского пути («перипл», т.е. описание побережья с перечислением рек, городов, гаваней, племен) уже в эпоху поздней архаики стало одной из распространенных разновидностей греческой географической литературы. Принцип «описания пути» оказался востребованным как форма восприятия географического пространства и как литературная форма с жанрообразующими признаками. Дошедшие до нас произведения античной географической литературы (отчасти целиком, отчасти во фрагментах или пересказах поздних авторов) весьма неоднородны по форме и содержанию. Одни из них содержат технические описания принципов создания карт, интересовавших довольно узкий круг специалистов (представителей научной или математической географии, например, Эратосфена, Гиппарха и т.п.), другие были рассчитаны на широкий слой любознательных читателей и носили энциклопедический характер (такие, как «География» Страбона, «Хорография» Помпония Мелы и др.), а третьи представляли собой риторически украшенные дидактические поэмы на географические темы (периегеза Псевдо-Скимна, «Описание Эллады» Дионисия, сына Калифонта, «Описание ойкумены» Дионисия Периегета).

Судя по дошедшим до нас отзывам античных и средневековых авторов, произведение Дионисия служило им не только образцом ученой поэмы, воплотившей принципы эллинистической поэтики, но и отвечало интересам образованной читательской среды в познании окружающего мира и географических реалий. Придав удобную для запоминания форму свидетельствам античной географической традиции, Дионисий уготовил собственному произведению последующую славу: на протяжении многих веков «Описание ойкумены» Дионисия считалось одним из самых авторитетных руководств по географии, на него ссылались, ему подражали, заимствовали из него сведения и комментировали позднеантичные и средневековые авторы самых разных направлений³. По всей видимости, одна из рукописных копий оригинала поэмы Дионисия хранилась у занимавшего высокую государственную должность римского чиновника Руфа Феста Авиена (IV в.), страстного поклонника «старины», приверженца традиционной веры в языческих богов и, между прочим, участника застольных «ученых» бесед, которые подробно описаны Макробием в «Сатурналиях». Именно Авиен первым вольно перевел гекзаметром на латинский язык географическую поэму Дионисия, добавив при этом в прологе и эпилоге кое-что от себя. Появление стихотворной парафразы Авиена под названием *Descriptio orbis terrae* недвусмысленно указывало на растущую популярность произведения Дионисия Периегета в западных областях Римской империи⁴. Около 500 г. в Византии появился новый, более совершенный по сравнению с языческой версией Авиена, перевод на латинский язык гекзаметром поэмы Дионисия, который принадлежал проживавшему в Константинополе ученому грамматiku Присциану; именно на этот перевод Присциана и будут в дальнейшем опираться средневековые латинские рукописи (так, например, ирландский ученый начала IX в. Дикилл цитирует периегезу Дионисия в переводе Присциана в своей географической «Книге об измерении Земли»). Помимо того, сохранились средневековые схолии на перевод Присциана, который использовал-

³ Scholia in Dionysium // *Geographi Graeci Minores* (далее – GGM) / Rec. C. Müller. Vol. II. Parisiis, 1861. P. 427–457; *Anonymi Paraphrasis* // GGM / Rec. C. Müller. Vol. II. Parisiis, 1861. P. 409–425.

⁴ *Rufi Festi Avieni Descriptio orbis terrae* // GGM / Rec. C. Müller. Vol. II. Parisiis, 1861. P. 177–189; новейшие издания Авиена: *La Descriptio orbis terrae d'Avienus* / Ed. P. van de Woestijne. Brugge, 1961; *Avienus, Rufus Festus. Ora maritima* / Ed. D. Stichtenoth. Darmstadt, 1968; см. также Cameron A. *Macrobius, Avienus and Avianus* // CQ. N.S. 1967. T. 17. P. 385–399; *Gualandri I. Avieno e Dionisio il Periegeta* // *Studi in Onore di Aristide Colonna*. Perugia, 1982. P. 151–165.

ся в качестве школьного текста⁵. Подробнейший комментарий к поэме Дионисия Периегета был составлен в XII в. Евстафием Солунским, который до своего избрания митрополитом Солуни (Фессалоники) проживал в Константинополе. Евстафий – один из крупнейших византийских ученых эпохи поздних Комнинов, осмелившийся делать конъектуры при издании древних текстов, предтеча гуманистов и эрудитов Возрождения и, вместе с тем, церковный деятель, профессор Высшей патриаршей школы⁶. Помимо комментариев к поэме Дионисия Евстафий Солунский составил обширные комментарии к «Илиаде» и «Одиссее» Гомера и к «Одам» Пиндара⁷. Обращение Евстафия к анализу географической поэмы Дионисия Периегета показывает, сколь высоко оценивали в Византии XII в. творчество александрийца и активно использовали его произведение в качестве школьного текста. Как видим, в христианских странах средневековой Европы географическая поэма Дионисия сохраняла свое влияние и продолжала пользоваться заслуженной славой, о чем свидетельствуют дошедшие до нас 134 рукописных списка поэмы на греческом языке⁸.

Одна из наиболее ранних сохранившихся рукописей с текстом поэмы Дионисия была выполнена в Южной Италии и датируется X в. (Paris. Suppl. gr. 388). Текст самой поэмы Дионисия, которому издатели присвоили наименование «кодекс А», располагается на листах рукописи 89r–113v; кроме того, в тексте рукописи имеются не только исправления писца (A1), но и более поздняя правка: кто-то обратил внимание на множество грамматических погрешностей (A2), вслед за ним два неизвестных лица (возможно, владельцы рукописи) вписали между строк рукописи собственные пояснения на латинском языке (их принято обозначать как A3); и, наконец, ряд пометок и записей принадлежит последнему по времени писцу (A4). Понятно, что для реконструкции первоначального текста поэмы Дионисия кодекс А имеет решающее значение, поскольку, в отличие от остальных рукописей, он в наибольшей степени «приближен» к оригиналу.

Язык и манера изложения Дионисия опираются на дидактическую традицию, в качестве образцов которой выступают сочинения древнегреческих авторов – Гесиода, Арата, Никандра, Псевдо-Скимна, Дионисия, сына Каллифонта. Особенность дидактического жанра заключалась в том, что его адепты перелагали в стихотворной форме принадлежавшие другим авторам научные сведения или теории. Обязательным элементом поучительно-риторического жанра в античности считалось сочетание принципов «полезного» и «приятного» в изложении сугубо научной (в данном случае географической) темы⁹. Сухой научный материал, подчиняясь, таким образом, условностям дидактического жанра, обретал доступную и привлекательную для читателя форму. В соответ-

⁵ *Woestijne P. van de. Scholies Médiévales à la Périégèse de Priscien // Archivum Latinitatis Medii Aevi. Vol. 21. 1951. P. 133–157; об использовании перевода Присциана в качестве школьного текста подробнее см. Bevan W. L. Mediaeval Geographi: an Essay in Illustration of the Hereford Map of the World. Amsterdam, 1969. P. XXIX. Издания перевода Присциана см. Prisciani Periegesis // GGM / Rec. C. Müller. Vol. II. Parisiis, 1861. P. 190–199; Priscianus. La Périégèse de Priscien / Ed. P. van de Woestijne. Brugge, 1953.*

⁶ О личности и творчестве Евстафия Солунского см. *Browning R. The Patriarchal School at Constantinople in the Twelfth Century // Byzantion. 1962. T. 32. P. 167–202; Каждан А.П. Византийский публицист XII века Евстафий Солунский // ВВ. 1967–1969. Т. XXVII–XXIX; статья А.П. Каждана перепечатана в кн.: Каждан А. Studies on Byzantine Literature of the Eleventh and Twelfth Centures / In collab. with S. Franklin. Cambr.-P., 1984; Wirth P. Eustathiana. Gesammelte Aufsätze zu Leben und Werk des Metropolitens Eustathios von Thessalonike. Amsterdam, 1980; Wilson N.G. Scholars of Byzantium. L., 1983. P. 203 sqq.*

⁷ *Eustaphii Commentarii in Dionysium Periegetam // GGM / Rec. C. Müller. Vol. II. Parisiis, 1861. P. 201–407; Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis Commentarii ad Homeri Iliadem. Vol. I–IV. Lipsiae, 1827–1830; Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis Commentarii ad Homeri Odysseam. Vol. I–III. Lipsiae, 1825–1829; о рукописной традиции Евстафиевых комментариев к тексту Дионисия Периегета, трактовка которой не прерывалась до середины XVI в. см. Diller A. The Manuscripts of Eustathius' Commentary on Dionysius Periegetes // Diller A. The Textual Tradition of Strabo's Geography. Amsterdam, 1975. P. 181–207.*

⁸ *Tsavari Is.O. Histoire du texte de la description de la terre de Denys le Périégète. Jannina, 1990.*

⁹ *Effe B. Dichtung und Lehre. Untersuchungen zur Typologie des antiken Lehrgedichtes. München, 1977. S. 188–189; Toohey P. Epic Lessons. An Introduction to Ancient Didactic Poetry. L., 1996. P. 9–11.*

вии с требованиями жанра Дионисий Перизетгет обращался к божественным покровительницам поэзии, Музам, тем самым обозначая свою принадлежность к поэтической традиции. Показательно, что в риторических обращениях к Музам Дионисий просит не только поэтического вдохновения, но и достоверной информации в области географии. В своей поэме Дионисий выступает прямым продолжателем поэзии ученого «александринизма», используя и варьируя материал сочинений предшественников. Поэма Дионисия Перизетгета объединяет хронологически разнородные сведения и представляет собой компиляцию извлечений из произведений других авторов¹⁰.

Уже в XII в. Евстафий Солунский в комментарии к поэме указывал на знакомство Дионисия не только с гомеровскими и гесиодовскими текстами, но и с эллинистической поэзией Арата, Каллимаха и Аполлония Родосского (Eust. ad Dion. Per. 638). Следуя требованиям «александрийской» поэтики и сознательно ориентируясь на «старину», Дионисий использует гомеровские эпитеты, словесные формулы, обыгрывает мотивы гесиодовских поэм, насыщает собственные стихи реминисценциями (вплоть до редких слов) из произведений Арата, Каллимаха и Аполлония Родосского. В качестве знака интертекста у Дионисия выступают лексически цитатные параллели и вольные вариации стихов, за которыми образованные и эрудированные читатели могли угадать прототипы.

Мифологические эпизоды в перизегезе Дионисия всегда связаны с географическими реалиями и дают объяснения названиям конкретных местностей, городов, островов, гор, мысов, утесов, морей и пр. Ряд аллюзий на мифы перекликается в перизегезе с раннеионийской исторической традицией об основании городов и расселении греческих колонистов на периферии античного мира. Происхождение других географических названий Дионисий объясняет с помощью этиологического мифа. Внимание к разного рода сакральным сооружениям, связанным с местным преданием о божестве, можно объяснить стремлением Перизетгета подчеркнуть высокий статус данного объекта. Манера Дионисия прибегать к перифразам затрудняет для современного читателя восприятие топонимической, орографической и этнической лексики, поскольку она носит образный характер. Тем не менее мифологический материал не играет самостоятельной роли в решении наиболее важного для перизегезы Дионисия вопроса о локализации географических объектов. Очевидно, что мифологическим аллюзиям, выполняющим в поэме орнаментальные функции, отводилась вспомогательная роль. Однако, несмотря на различие географической и мифологической традиций, их разнородные сведения о локализации объектов переплетаются и могут рассматриваться в контексте поэмы Дионисия как взаимодополняющие и уточняющие друг друга.

Дионисий не скрывает основной цели своего труда: дать этногеографический очерк всего обитаемого мира (ст. 170 сл.; 888 сл.), ради чего он использует чужие сведения, концепции и схемы, которые стали для него источниками географического знания, хотя прямо и не называет нигде имен авторов привлекаемых им сочинений. «Книжный» характер произведения с очевидностью демонстрирует, что Дионисий ни разу не выступает в качестве наблюдателя описываемых им событий.

Последнее обстоятельство, однако, ничуть не умаляет значение свидетельств Дионисия: сохраняя сведения предшественников – среди них, например, сочинения Эфора из Кимы (IV в. до н.э.), Тимосфена Родосского (III в. до н.э.), Эратосфена Киренского (III в. до н.э.), Псевдо-Скимна (II в. до н.э.), Гиппарха Никейского (II в. до н.э.), Артемидора Эфесского (II–I вв. до н.э.), Посидония Родосского (I в. до н.э.) и Страбона Апамейского (I в. до н.э. – I в. н.э.), дополняя или переосмысливая данные античной географической традиции (в основном древнеионийской), труд Дионисия позволяет расширить и уточнить сложившиеся представления в области исторической географии о местах обитания, расселении и контактах древних племен и народов. Используемые Дионисием приемы компиляции предполагали: 1) почти неизменные выдержки из источников разного объема; 2) возможность компоновать эти выдержки по-новому, согласно авторскому

¹⁰ Schindler Cl. Geographische Lehrdichtung // Geographie und verwandte Wissenschaften / Hrsg. von W. Hübner. Stuttgart, 2000. S. 163–183.

замыслу; 3) пересказ и переработку источников ради сокращения объема поэмы при незначительных утратах информации в угоду поэтико-риторическим требованиям (изменение порядка слов, изменения ради звукописи и др.). Особая ценность произведения Дионисия заключается в том, что благодаря его компиляции сохранились важные сведения, заимствованные из разных по времени сочинений античных авторов, огромная часть которых утеряна или не дошла до нас полностью¹¹.

В соответствии со странами света Дионисий делит Океан на четыре части и, двигаясь мысленно по часовой стрелке в направлении с запада на север, затем к востоку и югу по принципу перипла, перечисляет названия этих частей. Далее по аналогии с четырьмя частями Океана Дионисий выделяет четыре крупных залива Океана – на западе Гесперийское (т.е. Средиземное) море, на севере залив, соединяющий Океан с Каспийским морем, и, наконец, два залива на юге – Персидский и Аравийский (ст. 44–56). Обращает на себя внимание, что названия большинства мелких заливов Океана, или морей, обозначены у Дионисия либо по отношению к прибрежной части материка, населенной народом или племенем, либо по отношению к острову или группе островов. Членение водного пространства Океана на четыре части предполагает наличие по крайней мере двух перекрещивающихся условных линий (с севера на юг и с запада на восток), что напоминает о традициях математической географии. В данном случае можно говорить лишь о частичном использовании методов математической географии, поскольку наряду с четырехчленным делением Океана Дионисий не отказывается от традиционного для древнеионийской географии деления мира на материка и описывает народы, города и острова Средиземноморья в соответствии с принципами перипла и хорографии.

Слова Дионисия об ойкумене в виде пращи, омываемой Океаном, свидетельствуют о том, что автор поэмы ориентировался, с одной стороны, на традицию древних ионийцев, идущую от Анаксимандра и Гекатея Милетского, с другой – отдавал себе отчет в изменениях в картине мира и, опираясь на авторитет Посидония Родосского, использовал его образ ойкумены, уподобленный праще (Posid. F 200a Edelstein-Kidd = Agathem. I. 2). Так, несмотря на критическое отношение к древнеионийским представлениям о круглой форме ойкумены эллинистических географов, отстаивающих теорию сферичности земли и прочие элементы научной географии, древнеионийская традиция не ослабевала и продолжала оказывать влияние на географов римского периода, вроде Дионисия, произведения которых носили по преимуществу книжный характер и преследовали учебные или сугубо литературные цели. Подобно древнеионийским географам Дионисий разделяет всю ойкумену на три материка – Европу, Азию, Ливию (= Африку), проводя границы между ними с учетом естественных объектов – рек или гор, отмечая при этом, что наряду с «островной» теорией, делящей землю по рекам, существует «континентальная» теория, членившая землю по суше. Тем самым автор поэмы дает понять, что границы материков устанавливаются людьми и не являются безусловными. Неудивительно, что, столкнувшись с традицией неоднозначного разделения ойкумены, Дионисий порой впадает в противоречие, используя хронологически разнородные источники: например, в одном случае он проводит границу между Ливией (= Африкой) и Азией по Нилу (ст. 262–264), в другом – по перешейку между Средиземным и Аравийским (= Красным) морями.

Согласно Дионисию, схожие по очертаниям и форме Европа с Ливией уподобляются равнобедренному треугольнику, основание которого совпадает с основанием Азии, представляющей собой такое же схематическое изображение равнобедренного треугольника. Границей между Европой и Ливией, с одной стороны, и Азией, с другой, служит общее основание в самом центре ойкумены (ст. 270–278; 620–622). В схематичной картине мира, уподобленной у Дионисия праще, которая состоит из двух равнобедрен-

¹¹ Подробнее об историко-географических источниках Дионисия см. *Göthe A. De fontibus Dionysii Periegetae. Diss. Göttingen, 1875; Anhut E. In Dionysium Periegetam Quaestiones Criticae. Diss. Regimontii, 1888; Bernays U. Studien zu Dionysius Periegetes. Diss. Heidelberg, 1905; Постовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925. С. 79–81.*

ных треугольников, общее основание этих геометрических фигур составляют течения рек Танаиса – на севере (ст. 14 сл.; 660 сл.) и Нила – на юге (ст. 18; 230). Таким образом, в центре перекрещивающихся линий, одну из которых образует вертикаль Танаис–Нил, а другую – горизонталь, разделяющая Средиземное море и тянущаяся вдоль горной цепи Тавра, расположен, согласно Дионисию, остров Родос. Столь странные и геометрически правильные формы материков напоминают о живучести традиции математической географии, связанной прежде всего с именами Эратосфена и Гиппарха, и отражение которой – нередко в чисто внешней «риторической» форме – закрепилось в произведениях по описательной географии (например, у Страбона и Плиния Старшего).

Однако при соотнесении общей картины мира с отдельными географическими объектами у Дионисия обнаруживаются иногда явные противоречия. К примеру, в противоположность свидетельству ст. 174 о том, что Ливия имеет форму трапеции, в ст. 274 сл. форма Ливии уподоблена треугольнику; южная часть Азии в качестве отдельного региона представляет собой четырехугольник (ст. 887) в то время как в общей картине мира та же Южная Азия составляет треугольник, отделяемый от Северной Азии горами Тавра (ст. 620 сл.). Непоследовательность и противоречивость в использовании сравнений по отношению к одним и тем же географическим объектам можно объяснить тем, что сведения Дионисия были почерпнуты из разных источников.

Систематизируя этногеографические свидетельства, Дионисий использует характерный для античной периегезы способ описания «пути». Годологический (от греч. ὁδός – «путь») метод описания предполагает наличие определенного направления, от которого перечень географических объектов, если и удаляется в сторону, то обязательно возвращается к исходному пункту¹². Двигаясь по намеченным им условным «путям» – направлениям, Дионисий последовательно называет этно- и географические объекты (водное пространство, материки и острова, их прибрежные и внутренние области и населяющие их народы) с точки зрения перемещающегося в пространстве субъекта. Подобный способ воспроизведения картины мира относится к архаической системе ориентирования человека в пространстве. Слово «путь» в контексте поэмы не обладает строго терминологическим значением, и для обозначения воображаемого маршрута Дионисий использует разнообразную лексику (например, ст. 58, 62, 270, 331, 448, 651, 799, 1036 и др.). Присущий Дионисию способ восприятия и описания пространства – через «пути», вдоль которых, как в перечнях-каталогах, называются страны, народы, острова, моря, реки и т.п. – основывался, с одной стороны, на картах путей и практических пособиях, с другой – на разнородных нарративных источниках. Умозрительный способ восприятия пространства Дионисием во многом был обусловлен книжным характером накопленных им знаний и нашел литературное выражение в форме периегезы, преследующей дидактические цели.

Известно, что название «карта» в Греции и Риме не обладало терминологическим значением и кроме обычного употребления в качестве обозначения графического рисунка применялось в отношении географических текстов – периплов, периегез и хорографий, нередко смешиваясь с их названиями¹³. В научной литературе, посвященной изучению античной географии, не всегда учитывается различие между двумя способами передачи информации в древности – описательным и картографическим. Большинство античных карт, о которых нам что-либо известно, создавались ради пропагандистских или дидактически-иллюстративных целей, что указывает на специфику пространственного восприятия в древности. В связи с этим особую остроту приобретает вопрос о соотношении географического текста и карты.

¹² Подробнее см. Подосинов А.В. Картографический принцип в структуре географических описаний (постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 22–45; Janni P. La mappa e il periplo. Cartografia antica e spazio odologico. Roma, 1984; *idem*. Cartographie et art nautique dans le monde ancien // Geographica historica. Textes réunis par P. Arnaud et P. Counillon. Bordeaux–Nice, 1998. P. 41–54.

¹³ Brodersen K. Terra cognita. Studien zur römischen Raumerfassung. Hildesheim–Zürich–New York, 1995. S. 139 ff.

Ряд свидетельств косвенно указывает на то, что на материале поэмы Дионисия в позднеантичную эпоху могла быть составлена карта, служившая иллюстрированным учебным пособием для усвоения учащимися предмета географии¹⁴. В своей поэме Дионисий неоднократно сравнивал и связывал очертания географических объектов – материков, стран, островов и т.д. – с различными геометрическими фигурами. Генетически сравнение географических объектов с геометрическими фигурами восходит к традиции математической географии, однако в поэме Дионисия эти сравнения используются прежде всего для наглядных целей и запоминания. Не только с формальной, но и с функциональной точки зрения их можно поставить в один ряд и рассматривать в тесной связи с другими поэтическими сравнениями. С одной стороны, данное обстоятельство обусловлено «школьной» традицией поучать и наставлять, а с другой – требованиями риторики, посягающей на запретную для нее область специальных знаний. В своем географическом описании Дионисий следует принципу «от общего к частному», сперва изображая материки и страны в целом (как бы с высоты птичьего полета), а затем – как бы постепенно спускаясь к поверхности земли – начинает описывать острова, города, народы, природный ландшафт, комбинируя элементы периегетического и картографического описаний. Представляется весьма сомнительным, что Дионисий рассматривал графическую карту во время работы над своей периегезой; скорее, напротив, данные текста и элементы картографического изображения переплетаются в произведении Дионисия в зависимости от разнородного характера его источников, что позволяет рассматривать конкретные географические сведения в контексте общих представлений Дионисия о картине мира, выявить историческое происхождение ряда топонимов и их географическую специфику.

Анализ сведений Дионисия Периегета по исторической этногеографии античного Северного Причерноморья в сопоставлении с данными других античных авторов позволяет прийти к важному выводу о различной степени достоверности свидетельств поэмы. К примеру, очертания Понта Евксинского Дионисий сравнивает со скифским луком (ст. 157–163). Линия европейского (левого) побережья Понта дает в поэме Дионисия два изгиба рогового лука (им соответствуют заливы, образуемые выдающимся на юг Крымским полуостровом); азиатское (правое) побережье (исключая выступ мыса Карамбис) составляет прямую линию и соответствует тетиве лука. Сравнение Черного моря со скифским луком отражает не только античные представления о простейших географических координатах (правое и левое, прямое и кривое), но и в соответствии со схемой скифского лука указывает на местоположение важных для Дионисия географических объектов (Правый и Левый Понт, мыс Карамбис, расположенный в углублении между изгибами лука Крымский полуостров с мысом Крию Метопон – Бараний Лоб). Традиционное для античных авторов сравнение стало ко времени жизни Дионисия «общим местом», которое, по всей видимости, восходило к схематическим изображениям древнеионийских карт, хотя остается неясным, на каком этапе традиции произошло замещение графического изображения нарративным¹⁵.

Богатый топонимический материал включает названия северопонтийских рек и гор (Истр-Дунай, Борисфен-Днепр, Алдиск, Пантикап, Танаис-Дон, Меотида, Кавказ и горы Тавра). Река Истр, протекая в направлении с запада на восток, выступает у Дионисия в роли широтного меридиана и одного из «путей», по обе стороны которого последовательно описываются северные (ст. 302–320) и южные (ст. 321–329) области, указывают

¹⁴ Так, в середине VI в. Кассиодор писал о карте Дионисия в наставлениях монахам своего монастыря: *deinde pinacem Dionisii discite breviter comprehendendum... ut quod aurbis in supra dicto libro (sc. Iulii Honorii) percipitur, paene oculis intuitibus videre possitis* – «Изучайте также кратко составленную табличку Дионисия... чтобы вы могли видеть глазами то, что воспринималось слухом в вышеназванной книге [sc. Юлия Гонория]» (*Cassiod. De inst. div. I. 25. 2*; пер. А.В. Подсонова).

¹⁵ Подробнее см. *Илюшечкина Е.В. «Скифский лук» как модель для ориентации в пространстве // Древнейшие государства Восточной Европы, 2003 г.: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. М., 2005. С. 73–82.*

ся границы расселения местных племен и народов. Следуя исторической традиции, Дионисий пишет, что Истр, впадая в Евксин напротив острова Певки, образует пять устьев (ср. Herod. IV. 47), и лишь влиянием литературной традиции можно объяснить свидетельства других античных авторов римского времени о семиустом Истре. По словам Дионисия, устье Борисфена, расположенное между Истром и мысом Бараний Лоб, лежит напротив острова Левка и Кианеев – скал у пролива Боспор Фракийский при входе в Евксинский Понт. Таким образом, по Дионисию, устье р. Борисфен, остров Левка и Кианеи располагаются на одной линии долготного меридиана.

Устья рек Алдиск и Пантикап лежат, по Дионисию, далеко на севере у Замерзшего моря, неподалеку от Рипейских гор, локализуемых античной традицией в северной части Скифии. Исключительно редкий гидроним Алдиск, зафиксированный Дионисием, упоминают Гесиод в своем каталоге рек рядом с Истром, Фасисом и др. (Hesiod. Theog. 345), безымянный схолиаст, локализующий реку в Скифии (Schol. ad Hesiod. Theog. 338) и византийский гуманист XII в. Евстафий Солунский в Комментариях к гомеровской «Одиссее» (Eust. ad Hom. Od. XVIII. 70). Реки Пантикап и Алдиск, судя по словам Дионисия, следует помещать неподалеку от р. Борисфен; однако локализация устья Пантикапа вблизи Замерзшего моря на севере противоречит всем известным по античной традиции свидетельствам.

Устойчивое представление античной географии о том, что границей между Европой и Азией служит река Танаис, сложилось довольно рано. По словам Дионисия, Танаис, вытекая с Кавказских гор, течет по Скифской равнине и впадает в Меотийское озеро (ст. 14–17; 660–665). Обобщающий эпитет «скифский» – дань литературной традиции – указывает на северное местоположение и на этническую принадлежность племен, населявших равнинные области вокруг Танаиса. Гидроним Меотида – один из древнейших в топонимике Северного Причерноморья. В античной письменной традиции Меотида обычно называлась «озером» или «болотом», хотя не была замкнутым бассейном и соединялась с Понтом Евксинским проливом Боспором Киммерийским, на побережье которого начиная с VI в. до н.э. основывались греческие апоикии. По-видимому, в своем описании Дионисий обыгрывает историческое свидетельство древнеионийской традиции о Меотиде – матери Понта (ср. Herod. IV. 86).

Представление Дионисия о горном хребте Тавр как о широтном сложилось под влиянием предшествующей географической традиции, однако свидетельства Дионисия относительно Тавра носят неоднозначный характер, во многом обусловленный противоречивостью разновременных источников Перизгета¹⁶. В поэме Тавр не только разделяет Азию на северную и южную части, но и выполняет одновременно функцию водораздела (ст. 644–646). Северные отроги Тавра, о которых идет речь у Дионисия (ст. 168 сл.), следует идентифицировать с Северо-Кавказским хребтом, частью которого является также «перещеек» между Понтом и Каспием (ст. 690 сл.).

В целом греческие названия северопонтийских рек и гор, отражающие древнейший слой ономастики, представляют собой собрание исторических и мифопоэтических свидетельств. Сообщаемые Дионисием сведения позволяют скорректировать сложившееся в науке представление об орогидронимической системе Северного Причерноморья. Вполне допустимо, что стереотипность и противоречивость данных стихотворной перизгезы обусловлена тем, что Дионисий использовал разновременные источники, восходящие по преимуществу к древнеионийской географической традиции, сохранившей древние сведения о греческой колонизации Причерноморья.

Судя по отдельным замечаниям Дионисия, разбросанным в его поэме, Перизгет знал о теории климатических зон и был знаком с методами математической географии (включая астрономические наблюдения), лежавшими в основе картографического метода. Вместе с тем Дионисий все же ориентируется на образцы поэтической традиции и придерживается манеры описательной географии, опуская специфическое содержание,

¹⁶ Пьянков И. В. Средняя Азия в античной географической традиции. Источниковедческий анализ. М., 1997. С. 224 слл.

доступное лишь узким специалистам. Рисуя отчасти достоверный, но во многом условно-стереотипный облик северной страны с характерным для нее суровым климатом, Дионисий акцентирует внимание на жестокости «скифской» зимы, которая принуждает проживающих в этом климатическом поясе народы сниматься с места и покидать родные места. Отдельный экскурс поэмы, посвященный описанию уникального климатического явления – наступлению зимней стужи в соседствующих с рекой Танаисом областях – наиболее полно раскрывает парадигму изображения северопонтийской скифской зимы (ст. 666–678).

С осторожностью следует использовать единственное в перизегзе сообщение Дионисия о древнейших городах азиатского Боспора – Фанагории и Гермонассе, учитывая поэтическую манеру изложения и потенциальную возможность источника Дионисия трактовать тему боспорских городов значительно шире. Сопоставление дошедших до нас свидетельств античной географической традиции позволяет допустить, что основой для упоминания Гермонассы и Фанагории, связанных в поэме Дионисия со списком островов, послужил исторический труд Эфора (IV в. до н.э.) или один из промежуточных источников.

При перечислении северочерноморских племен и народов Дионисий неизменно следует принципу размещать их относительно водного или сухопутного «пути»: 1) от Истра до Меотиды; 2) вокруг Меотиды и вдоль северо-восточного (кавказского) побережья Понта и 3) вдоль горного хребта между Евксинским (Черным) и Гирканским (Каспийским) морями. В поэме Дионисия упоминаются восточные германцы, геты, даки, бастарны, аланы, тавры, агавы, гиппемолги, меланхлены, невры, гиппоподы, гелоны, агафирсы (ст. 302–310), меоты, савроматы, синды, киммерийцы, керкеты, тореты, ахейцы, гениохи, зиги, тиндариды, колхи (ст. 652–689), кавказские иберы и камариты (ст. 695–705). Отдельные этнонимы (и среди них – скифы) выступают у Дионисия как традиционные, чисто географические понятия, лишённые почти всякого этнографического содержания, что вполне согласуется с данными истории и античной историографии. Анализ сведений о северочерноморских племенах и народах приводит к выводу об исторической ценности свидетельств Дионисия, очерчивает круг вероятных источников поэмы – от Гекатея Милетского до Посидония Родосского, – представляющих в интерпретации Дионисия оригинальную смесь¹⁷. Нельзя забывать, что на употреблении ряда этнонимов сказалась специфика поэтического текста (необходимость выдерживать избранный размер – гекзаметр – и использовать поэтические средства: анафору, метонимию, аллитерацию, постоянные эпитеты, этнонимическое чередование в целях риторической «расцветки» текста и т.п.).

В начале XX в. В.В. Латышевым был опубликован корпус сведений античных авторов о Северном Причерноморье и Кавказе, содержащий также фрагменты перизегзы Дионисия в переводе И.П. Цветкова; в 1964 г. из-под пера М.Е. Грабарь-Пассек вышел перевод Пролога к поэме Дионисия¹⁸.

Настоящий перевод поэмы Дионисия Перизегета выполнен по изданию: Dionysii Alexandrei Oikumenis periegesis (ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ ΑΛΕΞΑΝΔΡΕΩΣ ΟΙΚΟΥΜΕΝΗΣ ΠΕΡΙΗΓΗΣΙΣ. Κριτική έκδοση) / Ed. Is.O. Tsavari. Ioannina, 1990 (с учетом издания: Dionysios von Alexandria. Das Lied von der Welt / Zweisprachige Ausgabe von Kai Brodersen. Hildesheim, 1994) и впервые печатается на русском языке полностью.

¹⁷ Подробнее см. *Илющечкина Е.В.* Диатеза племен Северного Причерноморья у Дионисия Перизегета // *Colloquia classica et indogermanica* – III. Классическая филология и индоевропейское языкознание. СПб., 2002. С. 379–402.

¹⁸ *Латышев В.В.* Scythica et Caucasia: Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. СПб., 1893. С. 178–187. Перевод фрагментов перизегзы Дионисия почти без изменений, но с краткими комментариями Л.А. Ельницкого был переиздан в ВДИ (1948. № 1. С. 236–241); Памятники поздней античной поэзии и прозы. М., 1964. С. 110–111.

ОПИСАНИЕ ОЙКУМЕНЫ

(1) Начиная воспевать сушу и широкое море, реки и города, и бесчисленные народы, я [прежде всего] упомяну глубокотекущий Океан¹⁹, [которым] обрамлена вся земля наподобие огромного острова²⁰; (5) [земля] в целом – не совсем круглая, а вытянутая подобно праще²¹ в двух направлениях по ходу солнца²². Хотя она в действительности едина, люди [однако] делят ее на три материка: первый – Ливия, затем Европа и Азия²³.

(10) Ливия отделена косою границей от Европы, на крайних точках ее (ср. границы) расположены [с одной стороны] Гадиры²⁴ и [с другой] устье Нила, самая северная часть Египта и знаменитое священное место амиклейского Каноба²⁵. От Азии Европу отделяет на севере – посредине [пращи] – Танаис²⁶, (15) что, кружа по земле савроматов, протекает по Скифии и [впадает] в Меотийское озеро²⁷; южной (полу)границей [служит]

¹⁹ В ст. 1–3 своего Пролога Дионисий намечает основные темы поэмы, одновременно используя характерное для античной поэтической традиции формульное выражение, ср. Ἐκ Διὸς ἀρχόμεθα... – «С Зевса начнем...» (*Arat. Phaen.* 1; пер. А.А. Россюса); Ἀρχόμενος σέο, Φοῖβε, παλαίγενέων κλέα φητών / μνησοῦσα – «Феб, начавши с тебя, вспомяну о славных деяниях древлерожденных мужей» (*Apoll. Rhod.* 1–2; пер. Г.Ф. Церетели). Подробнее см. *Effe. Dichtung und Lehre...* S. 193; *Toohy. Epic Lessons...* P. 208–211; *Schindler. Geographische Lehrdichtung.* S. 181. Дионисий использует поэтико-мифологическое представление об Океане как реке, опоясывающей весь мир и составляющей его границы (ср. *Hom. II. XVIII.* 489; *Od. V.* 285; *IX.* 13; *XX.* 65; *Strabo. I.* 1. 7 C 5), употребляя при этом гомеровский эпитет βαθυρροῦς – «глубокотекущий» (*Hom. II. VII.* 422; *XIV.* 311; *Od. XI.* 13; *XIX.* 433).

²⁰ Представление об ойкумене как острове стало неотъемлемым элементом греческой географической традиции, начиная от натурафилософа Анаксимандра Милетского (VI в. до н.э.) вплоть до Эратосфена Киренского (III в. до н.э.) и Посидония Родосского (135–50 гг. до н.э.).

²¹ В данном случае Дионисий, уподобляя форму ойкумены праще (σφενδόνη εἰσικῖα), перифразирует определение Посидония σφενδοειδής (*Posid. Fr.* 200a *Edelstein–Kidd = Agathem.* I. 2). Подробнее см. *Göthe. De fontibus Dionysii Periegetae.* S. 8; *Bernays. Studien zu Dionysius Periegetes.* S. 47–48; *Posidonius / Ed. L. Edelstein, I.G. Kidd. Vol. II (2).* *Cambr., 1988.* P. 716–717.

²² Т.е. по линии восток – запад.

²³ Подобно древнеионийским географам, Дионисий разделяет всю ойкумену на три материка – Европу, Азию, Ливию (= Африку).

²⁴ Гадиры – остров и город у южного побережья Испании; ср. ниже ст. 451–456.

²⁵ Каноб – кормчий Менелая, после падения Трои погиб в Египте от укуса змеи, погребен Менелаем и Еленой на острове, названном его именем (*Conon.* 8; *Dyct. Cret.* VI. 4). Именем Каноба были названы также устье Нила и город на его берегу, расположенный неподалеку от Александрии (*Strabo. XVII.* 1. 17–18 C 801; *Steph. Byz., s.v. Κάνωτος; Nic. Ther.* 309; *Tac. Ann.* II. 60; *Mela.* II. 6). Подробнее см. *Kanopos // Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie / Hrsg. von W.H.N. Roscher. Bd II/1. Lpz., 1890–1894.* Sp. 948–949. Амиклы – древняя столица Лаконии (Спарты), владение царя Менелая; соответственно «амиклейский» в данном случае означает «спартанский». По свидетельству поздних авторов, Каноб почитался в местном святилище (*Eriphanys Ancorat.* 108; *Rufin. Hist. Eccl.* II. 26; *Suid., s.v. Κάνωτος*). Однако Евстафий отмечает, что «знаменитое священное место Амиклейского Каноба» является перифразой для названия города Каноба; как передают, продолжает Евстафий, «священное место» Каноба представляло собой храм или посвященный Канобу надел земли (*Eust. ad Dion. Per.* 13).

²⁶ Устойчивое представление античной географии о том, что границы между Европой и Азией служит р. Танаис (совр. Дон), сложилось довольно рано (ср. *Aesch. Prom. vinct.* 729–735; *Strabo. VII.* 4. 5 C 310; *Mela.* I. 15; *Plin. nat. hist.* III. 3; *Arr. PPE.* 29; *Anon. PPE.* 42, 28; *Ptol. Geogr.* III. 5; *Oros.* I. 2. 5; *Amm. Marc. XXXI.* 2. 13; *Rav. Anon.* II. 20), хотя и не является единственным (ср. *Herod.* IV. 45: «Границы [Европы и Азии] установлены по [...] колхидской [реке] Фасис, другие называют меотийскую реку Танаис и Киммерийские Переправы» – пер. И.А. Шишовой). Неоднократно упоминавший р. Танаис Геродот (IV. 20–21, 45, 47, 100, 115–116, 120, 122), однако, не проводил границы между материками по рекам, не веря в существование Океана и не обладая, видимо, достоверными свидетельствами о северных и восточных морях, омывающих Европу. См. также *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота.* М., 1982. С. 270.

²⁷ Меотийское озеро (Меотида) – совр. Азовское море.

Геллеспонт, а самый южный предел (sc. между Азией и Ливией) проходит через устье Нила²⁸.

Другие делят материки по суше²⁹. (20) [Так,] на краю Азиатской земли протянулся высокий перешеек между Каспийским и Евксинским морями: его-то и стали считать границей между Европой и Азией³⁰; другой [перешеек] длинной широкой полосой тянется на юге между Аравийским заливом и Египтом – (25) он отделяет Ливию от Азиатской земли. Так [по-разному] смертные распределили границы.

Со всех сторон [сушу] окружает мощный поток неутомимого Океана; и хотя он един, он имеет множество названий³¹. Так, у крайних пределов локрийского зефира³² (30) он называется Гесперийским Атлантом; а наверху, на севере, где [обитают] сыны воинственных аримаспов³³, его именуют Замерзшим, или Кронийским, морем; другие назвали [эту его часть] также Мертвым морем из-за тусклого солнечного света: солнце редко показывается над этим морем, (35) поскольку оно постоянно окутано мрачными плотными тучами³⁴. Там же, где [солнце] раньше всего является людям, [Океан] называют Восточным, или Индийским, морем³⁵. Южнее, там, где острым углом выдается просторная часть необитаемой суши, (40) выжженная безжалостными лучами палящего солнца, его называют Эритрейским³⁶, или Эфиопским, морем. Так обтекает Океан всю землю, получив у людей столько названий.

²⁸ В схематичной картине мира, уподобленной у Дионисия праше, которая состоит из двух равнобедренных треугольников, общее основание этих геометрических фигур составляют течения рек Танаиса – на севере (ст. 14 сл.; 660 сл.) и Нила – на юге (ст. 18; 230). Таким образом, в центре перекрещивающихся линий, одну из которых образует вертикаль Танаис–Нил, а другую – горизонталь, разделяющая Средиземное море и тянущаяся вдоль горной цепи Тавра, расположен, согласно Дионисию, остров Родос.

²⁹ Дионисий проводит границы между материками с учетом естественных объектов – рек или гор, отмечая при этом, что наряду с «островной» теорией, делящей землю по рекам, существует «континентальная» теория, членящая землю по суше.

³⁰ Под «перешейком» Дионисий понимает здесь Кавказский хребет (ср. ст. 636, 695) в качестве одной из частей горной цепи Тавра. Евстафий Солунский замечает, что, по всей видимости, Дионисий не склонен соглашаться с теорией деления материков по суше, поскольку «подобное деление неопределенно и неясно»; что касается «очень большого и широкого» перешейка между Каспием и Евксином, Евстафий уточняет, что как раз на нем «находится, кроме многих других мест, и пресловутый прометеев Кавказ и восточная страна иберов, лежащая между Колхидой и [кавказской] Албанией» (*Eust. ad Dion. Per.* 19).

³¹ Дионисий перечисляет названия Океана, начиная с западной точки и двигаясь мысленно по часовой стрелке на север, восток и юг.

³² Видимо, имеется в виду западный ветер, владеющий всей областью от Локр Эпизефирийских в Южной Италии до Геракловых Столпов (совр. Гибралтарский пролив).

³³ Мифическое племя одноглазых аримаспов, похищавших золото у грифов, обычно локализуют на севере рядом с легендарными Рипейскими горами (*Herod.* III. 116; IV. 27; ср. *Strabo.* XI. 6. 2 С 507; *Mela.* II. 2; *Plin. nat. hist.* IV. 88; VII. 10). Сохранились фрагменты эпической поэмы «Аримаспея» Аристея Проконнеского (VI–V вв. до н.э.), в которой отразился круг географических и этнических представлений, связанный с милетским колонизационным движением в Северном и Восточном Причерноморье (подробнее см. *Bolton J.D.P. Aristes of Proconnesus. Oxf., 1962; Иванчик А.И. О датировке поэмы «Аримаспея» Аристея Проконнеского // ВДИ. 1989. № 2. С. 29–49 = Ivantchik A. La datation du poème l'Arimaspee d'Aristéas de Proconnesse // L'Antiquité Classique. 1993. T. 62. P. 35–67).*

³⁴ Упоминание Мертвого моря с описанием характерных для северных широт особенностей климата восходит, по всей видимости, к свидетельству Пифея из Массилии (IV в. до н.э.) (*F 21 Roseman = Plin. nat. hist.* IV. 95). Рисуемая поэтом мрачная картина климата полярных областей, где солнечный свет никогда не пробивается сквозь стелющуюся толщу низких облаков и где сам Северный Океан в соответствии с климатическими особенностями этой местности и приближенностью (согласно поэтико-мифологической традиции) к области «сумрачного Тартара» – Аида (букв. «безвидного» и «ужасного») носит имя «Мертвого моря» (по другим версиям – Ледовитого, Кронийского или Скифского), может расцениваться как риторическая «расцветка» описания крайних северных пределов ойкумены, напоминающее мифическое царство мертвых.

³⁵ Ср. ст. 587–590. Подробнее см. *Пьянков. Средняя Азия...* С. 170 сл.

³⁶ В античности Эритрейским морем называли совр. Аравийское море, а не Красное море; в свою очередь, совр. Красное море обозначалось в античных источниках как Аравийское, см. *Черняк А.Б. Prolegomena к «Анналам» Тацита, книги I–VI. XII. Mare Rubrum* (Тас. Agr. 12, 6; App. 2, 61, 2; 14, 25, 2) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – V.* СПб., 2001. С. 156–163.

Повсюду он образует морские заливы – множество мелких и четыре крупных: (45) первый представляет собой Гесперийское море³⁷, оно тянется от Ливии до Памфилийской земли; второй [залив] меньше [первого], но больше прочих – разливаясь из северного Кронийского моря, он несет [свое] бурное течение к Каспийскому морю, (50) которое другие называют также Гирканским³⁸. Что касается остальных [крупных заливов], то оба они изливаются из Южного моря – один из них, струя Персидские волны и начинаясь против (sc. на одной долготе) Каспийского моря³⁹, находится выше [другого]; другой же – бурный Аравийский залив – (55) тянется в сторону южных границ Евксинского Понта. Таковы наиболее крупные заливы глубоководного Океана, остальных же – неисчислимое множество.

Теперь я расскажу о «пути» Гесперийского моря, которое омывает все материки своими изогнутыми заливами, (60) то окружая со всех сторон острова, то омывая подножья гор и [подступая к] городам. Вы же, Музы! – поведайте [мне] об извилистых [морских] течениях, начав по порядку от Гесперийского Океана, где на краю встали Геракловы Столпы⁴⁰ – (65) великое чудо – близ далекой Гадиры [с одной стороны], и под высоким утесом широко раскинувшихся отрогов Атласа [с другой]⁴¹, где устремляется также к небу огромная медная колонна, скрытая плотными облаками⁴².

Иберийское море – (70) начало Европы и Ливии. По обеим сторонам [этого моря] расположены Столпы, один обращен к Европе, другой – к Ливии. Его продолжает Галльское море там, где (75) простирается земля Массалия с удобной гаванью⁴³. Затем разливается Лигурийское море⁴⁴, там на материке живут сыны италийцев авсоны⁴⁵,

³⁷ Т.е. Средиземное море, в состав которого Дионисий – как и многие античные авторы – включал Евксинский Понт (Черное море) и Меотиду (Азовское море).

³⁸ Дионисий связывает Каспийское, или Гирканское, море заливом с Океаном, см. ст. 630–632 (ср. *Strabo*. II. 5. 18 С 121). См. *Пьянков*. Средняя Азия... С. 193. Гирканией называлась прибрежная зона в южной части Каспия (*Strabo*. XI. 7. 1–3 С 508–509).

³⁹ Вслед за Страбоном (*Strabo*. II. 5. 18 С 121) Дионисий здесь отмечает, что Персидский залив лежит на той же долготе, что и Каспийское море. При этом оба автора используют предлог *ἀντία / ἀντικρῦ* в пространственном значении по аналогии со словоупотреблением Эратосфена *ἀντίαρειν* («находиться против чего-либо») (*Eratosth.* F III A 2 Berger = *Strabo*. II. 1. 1 С 68).

⁴⁰ Совр. Гибралтарский пролив. Для античной географической традиции, на ранней стадии связанной с мифологическими представлениями, характерно было видеть в Столпах (στῆλαι) природные объекты (горы, скалы, острова), заключающие естественные пределы ойкумены (*Herod.* II. 33; IV. 8 – о Геракловых Столпах и быках Герiona; *Dicaearch.* Fr. 112 Wehrli; *Eratosth.* F III B 58 Berger; *Polyb.* XXXIV. 9. 4 = *Strabo*. III. 5. 5 С 170). В связи с этим примечательно упоминание Периэгетом Столпов Диониса на восточной границе ойкумены (ст. 621–623; 1164).

⁴¹ «Отроги Атласа» – горный хребет, протянувшийся от атлантического побережья Северной Африки до заливов Большой и Малый Сирт. Атлант (букв. «Многотерпеливый») – в греческой мифологии титан, сын Иапета и Климены, отец Плейд, Гесперид и Калипсо, державший на руках небесный свод на западной окраине ойкумены.

⁴² Страбон, в передаче которого сохранились фрагменты Посидония (*Posid.* F 246 Edelstein–Kidd = *Strabo*. III. 5. 5 С 170), сообщает о трех экспедициях финикийских колонистов; в ходе последней из них в западной части острова вблизи побережья Испании была основана Гадира, а в восточной части сооружено святилище Геракла, отождествляемого с финикийским божеством Мелькартом. По словам Страбона, Посидоний считал свидетельство о Столпах, представляющих собой бронзовые колонны в святилище Геракла, «наиболее достоверным» (πιθανώτατον). Отрывок Посидония напоминает стихи Дионисия, который, по-видимому, скомбинировал приписываемые Посидонию сведения с древнейшими свидетельствами поэтико-мифологической традиции (*Dion. Per.* 67: *χαλκεῖος ἐς οὐρανὸν ἔδρασε κίων; ср. Pind.* Pyth. I. 19, где Пиндар называет гору Этну «небесным столпом» – *κίων οὐρανία; Herod.* IV. 184, где упоминается гора Атлант, которую местные жители называют «столпом неба» – *κίων τοῦ οὐρανοῦ*).

⁴³ Массалия (совр. Марсель) – греческая колония фокейцев (основана ок. 600 г. до н.э.), торговый центр Западного Средиземноморья.

⁴⁴ Лигурийское море получило название от населявших области Западного Средиземноморья лигуров.

⁴⁵ Авсоны – название древнейших племен Юго-Западной Италии, но в поэме Дионисия – синоним римлян. Родоначальником авсонов считался герой Авсон, первый царь Италии, сын Одиссея и Кирки (по другой версии мифа – Калипсо и Атланта).

[произошедшие] от Зевса, издревле великие правители [земель] от самого севера и до Левкопеты⁴⁶, (80) которая стоит словно на якоре у побережья Сикелийского пролива: следом соленая вода устремляется к [острову] Кирну⁴⁷. Возле него бурлит Сардинское море; южнее вскипают ревущие волны Тирренского моря⁴⁸. Затем в сторону восходящего солнца (85) разворачивается изогнутый поток Сикелийского моря: оно течет вниз до омываемых волнами [мыса] Пахина⁴⁹ и до критского мыса, что выдается глубоко в море у священного [города] Гортина и находящегося чуть дальше от моря Феста, [словно] наклоненная вперед голова барана, (90) из-за чего он и называется Крию Метопон⁵⁰, – и [далее оно] простирается вплоть до земли япигов⁵¹. Оттуда уже Адриатическое море, расширяясь, устремляется к северу, а после движется снова в западном направлении, и живущие вокруг [народы] называют его Ионийским. (95) Оно омывает две земли: для входящего в него по правую руку оказывается Иллирийская земля, выше – Делматия, край воинственных мужей, а по левую руку разворачивается огромный перешеек авсонов, далеко распростершийся, окруженный тремя морями – (100) Тирренским, Сикелийским и протяженным Адриатическим; [положение] каждого [морья] соответствует разным направлениям ветров: Тирренское – западного, Сикелийское – южного, Адриатическое – восточного. А за Сикелийской землей морская волна, вздымаясь, устремляется к Ливии, на юге заворачивая около того Сирта, (105) что называют еще Большим Сиртом; другой же (sc. Малый Сирт), расположенный ниже [по течению], получает морскую волну, идущую издалека, и имеет слабое течение. Так, изгибаясь, шумят два залива⁵². От Сикелийских скал критская полноводная волна отступает (110) на восток – вплоть до мыса Салмония⁵³, который называют самым восточным мысом Крита. Рядом вздымаются еще два моря, обдуваемые прямым северным исмарским ветром⁵⁴. Моря же располагаются друг против друга⁵⁵: (115) мореплаватели называют первое Фаросским морем⁵⁶ – оно простирается до самой дальней горы Касий⁵⁷; другое же [называют] Сидонским морем⁵⁸ – оно тянется до самой дальней части суши, проходя мимо Киликийской земли вплоть до города Исс⁵⁹, откуда течет на север громадное Иссское море⁶⁰. (120) Небольшую часть пути оно протекает ровно, сдерживаемое до определенного темного изгиба земли киликийцев. Затем оно низвергает крутые волны к западу; как злобная змея, сворачиваясь кольцом, медленно выползает из-под нависшей горы, (125) так и этот поток клубится в море, полноводный, со всех сторон давимый течением.

⁴⁶ Левкопета («Белая скала») – мыс на южной оконечности Апеннинского полуострова (совр. мыс Делль-Армий).

⁴⁷ Т.е. остров Корсика.

⁴⁸ Тирренское море – залив у берегов Тирсении, т.е. Этрурии (ст. 294), получившей название по имени Тирсена (Тиррена), сына лидийского царя Атиса, по преданию основавшего лидийскую колонию на западном побережье Италии (*Herod.* I. 94).

⁴⁹ Пахин – мыс на юго-востоке о-ва Сицилия (совр. мыс Изола-делле-Корренти).

⁵⁰ Крию Метопон («Бараний Лоб») – то же название имеет мыс в Понте (ст. 153).

⁵¹ «Земля япигов» – Япигия, т.е. Апулия, расположенная на юго-востоке Италии.

⁵² Большой (совр. Сидра) и Малый (совр. Габес) Сирты – заливы североафриканского побережья между Киреной и Карфагеном.

⁵³ Совр. мыс Сидерос.

⁵⁴ Исмарский ветер – северный ветер, получивший название от фракийского города Исмар.

⁵⁵ Т.е. на одной широте.

⁵⁶ Фаросское море – часть Средиземного моря у берегов египетского о-ва Фарос.

⁵⁷ Касий – горная вершина, расположенная к востоку от дельты Нила.

⁵⁸ Сидонское море – часть Средиземного моря около финикийского Сидона (совр. г. Сайда) (ср. ст. 912), иначе – Левантское море.

⁵⁹ Отсутствующая в кодексе А (*Paris. Suppl.* gr. 388, X в.) интерполяция («проходя мимо Киликийской земли вплоть до города Исс» – ст. 118), появившаяся в более поздних рукописях. Подробнее о кодексе А см. *Илюшечкина Е.В.* Географическая поэма Дионисия Перизгета в период Средневековья и в Новое время: из истории текста // *Всемирная история. Сборник молодых ученых.* М., 2002. С. 22–39 (особенно с. 29).

⁶⁰ Иссское море – часть Средиземного море около г. Исс (совр. г. Искендерон).

Вблизи этого потока обитают памфилийцы, [а сам он] доходит почти до Хелидонских островов⁶¹; предел его [лежит] далеко на западе у Патарских скал⁶².

(130) [Теперь] я расскажу о широком потоке Эгейского моря, что, поворачивая от этой точки к северу, опрокидывая волны, разбивается о Спорадские острова – ни одно морское течение, бурля из глубины, не поднимает столь высоких волн. (135) Крайними его границами служат [острова] Тенедос и Имброс⁶³, отсюда оно выходит узким проливом, вытекая к северу в Пропонтиду. К югу от нее (sc. Пропонтиды) располагаются бесчисленные племена Азиатской земли: [здесь] к матерiku примыкает широкий перешеек. (140) За Пропонтидой [находится] устье Боспора Фракийского, который некогда переплыла Ио, преследуемая проiscaми Геры⁶⁴. Этот пролив – уже всех прочих, что находятся в волнистом море; здесь, по преданию, бесстыдно сходятся в море Кианейские скалы (145), с шумом ударяясь одна о другую⁶⁵.

За ним (sc. Боспором Фракийским) сразу открывается обширный Понт, образующий пространный залив к востоку⁶⁶. [В этом море] имеются два изогнутых течения (досл. «пути»): одно всегда обращено к северу, другое – к востоку; (150) посредине с обеих сторон выдаются [в море] два мыса, один – южный, называемый Карамбисом, другой – северный, возвышающийся над Европейской землей и называемый местными [народами] Бараньим Лбом⁶⁷. Оба [эти мыса] расположены друг от друга (155) на таком расстоя-

⁶¹ Хелидонские острова – группа островов у мыса Хелидония на южном побережье Малой Азии (Ликия).

⁶² Патарские горы расположены у юго-западного побережья Малой Азии в Ликии.

⁶³ О-в Тенедос (совр. Бозджаада) находится неподалеку от побережья Троады; о-в Имброс (совр. Имроз) – у побережья Херсонеса Фракийского (совр. Галлипольский полуостров).

⁶⁴ С названием пролива Боспор связан миф о возлюбленной Зевса Ио, превращенной Герой в корову, постоянно преследуемой оводом. Ио – жрица храма Геры (*Aesch. Suppl. De mal.*, дочь аргосского царя Иноха (*Aesch. Prom. vinct. 589*), а по другим версиям – Иаса (*Plut. 291. Her. XIV. 857 F*), Пирена (*Apollod. 1. 2*), Арестора или Прометея (*Clem. Alex. Strom. 1 S 322 C.*); ее матерью обычно считают Мелию или Агрию (*Hugin. Fab. 145*). По Эсхилу, география странствий Ио в облике коровы включает материковую Грецию вплоть до Фракии (*Aesch. Suppl. 544 sq.*), затем Прометей предсказывает ее дальнейший путь через Боспор Киммерийский – «материки разрезавший», Каспийское море, загадочные «поля Кисфены» – и далее к эфиопам, локализуемым на юге Египта, и – через Библосские горы – в дельту Нила к городу Каноу (*Aesch. Prom. vinct. 790–815*), где она вновь обрела человеческий облик и родила сына Элафа (*Aesch. Prom. 846. Suppl. 1065; Nonn. III. 285*). Ио отождествлялась с египетской богиней Исидой (*Apollod. II. 1. 3*). По имени Ио названы многочисленные топонимы на пути ее странствия: о-в Эвбея (Εὐβοία), прежде называвшийся Абантида (*Hesiod., fr. 47*) с пещерой Βοός αὐλή («Коровий хлев»), в которой – по одной из версий мифа – Ио родила сына Элафа (*Strabo. X. 1. 3 C 445*), города Эвбея в Иллирии, на островах Сицилии, Керкире и Лемносе, холм Эвбея в Аргосе (*Strabo. X. 1. 15 C 449*), Ионийское море (*Aesch. Prom. vinct. 839; Schol. Apoll. Rhod. IV. 308*) и, наконец, пролив Βοσπλορός («Коровий брод») – Фракийский (*Herod. IV. 85; Schol. Apoll. Rhod. I. 1114; Eust. ad Dion. Per. 140*) и Киммерийский (*Aesch. Prom. vinct. 732; Eust. ad Dion. Per. 140*). См. также *Ausführliches Lexikon... Bd II/1. Sp. 263–270 ff.*; о грецизированной форме фракийского наименования пролива и проблеме переноса географических названий негреческого происхождения: *Тохтасьев С.Р. ВОСПОРОС // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 1999. С. 86–92.*

⁶⁵ По словам Геродота, Кианеи у Боспора Фракийского прежде по преданию назывались Планктами («Блуждающие») (*Herod. IV. 85*).

⁶⁶ Понт Евксинский – совр. Черное море.

⁶⁷ Мыс Карамбис (совр. мыс Керемпе) на южном побережье Понта и мыс Бараний Лоб (совр. мыс Сарыч или мыс Ай-Тодор в Крыму) служили опорными ориентирами античным мореплавателям, опережаящим маршруты своего плавания в Черном море по основным его течениям. Как отмечают исследователи, одна ветвь морского течения отклоняется от мыса Карамбис на север к Крымскому полуострову, а другая идет к востоку вдоль черноморского побережья к Боспору Киммерийскому; двигаясь против часовой стрелки, оба круговых течения возвращаются затем к южному побережью Понта. Таким образом, сведения Дионисия о «двух течениях» в Понте находят подтверждение в наблюдениях современных специалистов, занимающихся комплексным изучением акватории Черного моря (см. *Агбунов М.В. Античная лодия Черного моря. М., 1987. С. 21–22; он же. Античная география Северного Причерноморья. М., 1992. С. 209–211*).

нии, какое грузовое судно прошло бы за три дня. Благодаря этому ты мог бы видеть, что Понт состоит как бы из двух морей и своими очертаниями подобен округлым отрожкам лука: правый, прямо очерченный, берег Понта можно вообразить тетивой – один только Карамбис (160) выходит за эту линию и смотрит к северу; вид же рогов представляет собой левый берег (досл. «путь»), который изгибается двумя извивами подобно отрожкам лука⁶⁸. К северу [от Понта] разлились воды Меотийского озера⁶⁹. Вокруг него обитают скифы, (165) бесчисленный народ; [Меотиду] они называют кормилицей Понта, так как огромная масса воды Понта выходит из нее через Боспор Киммерийский⁷⁰, вдоль которого у холодного подножья Тавра проживает много киммерийцев. Таков вид темно-блистающего моря.

(170) А теперь я расскажу о каждом из материков, чтобы ты, даже и не видя их воочию, мог бы иметь [о них] ясное представление. В результате ты сможешь обрести почет и уважение, излагая подробности несведущим.

Ливия простирается на юг (175) и юго-восток, по форме она сходна с трапецией⁷¹, начинаясь от Гадиры, где ее «вершина» сужается к Океану; а «основание» ее – около Аравийского моря, где [находится] земля тех темнокожих эфиопов⁷², (180) по соседству с которыми простирается земля эреμβов⁷³. Говорят, что [Ливия] похожа на леопардовую шкуру, так как иссушенная без дождей [земля] то там, то здесь покрыта темными пятнами [оазисов]⁷⁴. На самом краю (185) около [Геракловых] Столпов обитают народы Ма-

⁶⁸ Сравнение очертаний Черного моря с формой «скифского лука», восходящее к древнеионийской географической традиции (ср. у Гекатея Милетского, Эратосфена, Саллюстия, Страбона, Помпония Мелы, Плиния Старшего, Валерия Флакка, Птолемея, Солина, Аммиана Марцеллина), становится со временем литературным топосом. Подробнее см. *Илюшечкина*. «Скифский лук»... С. 46–68.

⁶⁹ Гидроним Меотида (совр. Азовское море) – один из древнейших в греческой топонимике Северного Причерноморья (*Aesch. Prom.* 418; *Herod.* I. 104; IV. 3; IV. 45; *Ps.-Scyl.* 69; *Polyb.* IV. 40; *Ps.-Scymn.* F 15–16 Marcotte; *Strabo.* II. 5. 23 С. 125). В античной письменной традиции Меотида обычно называлась «озером» или «болотом», хотя не была замкнутым бассейном и соединялась с Понтом Киммерийским Боспором.

⁷⁰ Дионисий, возможно, обыгрывает в своем описании слова Геродота о Меотиде – матери Понта (*Herod.* IV. 86: ἡ Μαλιτίς τε καλεῖται καὶ μήτηρ τοῦ Πόντου). Ср. *Eust. ad Dion. Per.* 163. Плиний Старший приводит скифское слово *Темагунда*, означающее «мать моря» (VI. 20). Это наименование, впервые использованное Геродотом (IV. 86), обычно объясняют сильным течением из Азовского в Черное море (*Шрамм Г.* Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997. С. 118–119).

⁷¹ Ср. ст. 274, где очертания Ливии уподоблены треугольнику. Аналогичным образом Страбон описывает Ливию то в форме трапеции (II. 5. 33 С. 130), то прямоугольного треугольника (XVII. 3. 1 С. 825).

⁷² Гомер изображает эфиопов (букв. «люди с обожженными лицами») живущими на западной и восточной окраинах ойкумены (*Hom.* II. I. 424; XIII. 6; *Od.* I. 22–26 и др.). Интерпретируя во II в. до н.э. текст Гомера, грамматик Кратет из Маллы и Аристарх Самофракийский пытались разрешить противоречивость сообщения поэта о делении эфиопов на западных и восточных; западных эфиопов Посидоний Родосский идентифицировал с ливийцами, восточных – с индами (*Posid.* Fr. 49 Edelstein–Kidd = *Strabo.* II. 3. 7 С. 103) (см. *Diederich S.* Geographisches in Scholien und Kommentaren // *Geographie und verwandte Wissenschaften* / Hrsg. von W. Hübner. Stuttgart, 2000. S. 216–217). Здесь Дионисий говорит о восточных эфиопах, уточняя их местонахождение соседством с эрембами. См. также *Romm J.S.* The Edges of the Earth in Ancient Thought. Geography, Exploration and Fiction. Princeton, 1992. P. 11–19.

⁷³ Эрембы – название племени, упомянутого уже Гомером (*Hom.* *Od.* IV. 84). Кратет из Маллы предлагал читать ερεμβοί («темнокожие») вместо ερεμβοί и идентифицировал их с индами (*Crat.*, fr. 46 a–d Mette); ср. схолии к Дионисию, где эрембы разделяются на «западных» (в Ливии) и «восточных», называемых также «индами» (*Schol. in Dion.* 180). Дионисий локализует эреμβов на африканском побережье Аравийского (совр. Красного) моря. Ср. также ст. 963 сл., в которых Перизетгет описывает убогий образ жизни эреμβов, противопоставляя его благоденствию жителей Счастливой Аравии.

⁷⁴ Ср.: «По словам других писателей, а также Гнея Пизона [...] Ливия похожа на леопардовую шкуру, ибо она покрыта пятнами обитаемых местностей, окруженных безводной и пустынной землей» (*Strabo.* II. 5. 33 С. 130; пер. Г.А. Стратановского). По мнению Евстафия, «земля эреμβов» (а не материк Ливия) сравнивается Перизетгетом со шкурой леопарда (*Eust.* ad *Dion. Per.* 180).

вританской земли. За ними располагаются бесчисленные племена кочевников: там масесилии и живущие на равнине масилии⁷⁵ ищут вместе с детьми пропитание в полях и в лесу, довольствуясь практически непригодной пищей и более чем скромной добычей на охоте. (190) Они не знают ни бороздящего землю плуга, ни приятного [слуху] хода запряженных повозок, о которых и не слышали, ни мычания скота, входящего в стойло; словно дикие животные, бродят они по дремучим лесам, не зная колосющегося зерна и жатвы урожая.

(195) За ними Кархедон обнимает прелестную гавань, Кархедон – теперь принадлежащий ливийцам, а прежде – финикийцам, [тот самый] Кархедон, о котором существует предание, что его отмеряли с помощью бычьей шкуры⁷⁶. За ним вспенивает бурное течение Малый Сирт; после него тянется на восток другой [Сирт], (200) огромный, тесный более широким течением: здесь то пробуждается прилив, то отступает с прибрежного песка отлив грозного Тирренского моря⁷⁷. Между [Большим и Малым Сиртом] был основан город, (205) который назвали Неаполем (sc. Новым городом)⁷⁸; за этой землей обитают лотофаги, гостеприимные по природе – сюда некогда забрел во время своих странствий хитроумный Одиссей⁷⁹.

[Далее] в этом месте ты мог бы видеть опустошенные жилища насамонов, мужей погибших – (210) их, не почитавших Зевса, погубило авсонийское копьё⁸⁰. За ними во внутренних землях живут асбисты⁸¹ и под толстым слоем песка [находится] святилище ливийского божества⁸², а также славная своими конями Кирена, место обитания амиклейских мужей⁸³. По соседству [проживают] мармариды, вплоть до Египта, (215) затем⁸⁴ – гетулы и сражающиеся врукопашную нигреты; за ними следом [живут] фауруссии, за землями которых обитают бесчисленные гараманты; последними обитают на [южном]

⁷⁵ Масесилии и масилии – кочевые народы Северной Африки (ср. *Strabo*. II. 5. 33 С. 131).

⁷⁶ Античные свидетельства связывают основание Карфагена с именем дочери тирского царя Агенора, или Бела, и сестры Пигмалиона Дидоны (она же – Элисса и Анна), которая после гибели мужа бежала со спутниками в Ливию и там у царя нумидийцев и мазиков Ярбанта пожелала себе столько земли, сколько смогла бы покрыть одна бычья шкура (*Tim. FGnH* 566 F 82 (23) *Jacoby*; *Verg. Aen.* I. 366–368; *Iustin.* 18. 4. 3–6. 8). Евстафий Солунский добавляет, что вследствие этого древнее название карфагенского акрополя было Бирса (Βύρσα – «Снятая шкура») (*Eust. ad Dion. Per.* 195). Финикийское *Bosra* («укрепленное место») перешло в греческое Βύρσα, что могло послужить основанием для возникновения вышеизложенного мифа об основании Карфагена.

⁷⁷ Из-за меняющихся во время приливов и отливов морских течений Сирты славились своей опасностью для мореплавателей (ср. *Sall.* VI. LXXVIII. 2–3; *Strabo*. XVII. 3. 20 С 836; *Mela.* I. 35).

⁷⁸ Неаполь – город в Фиванской области в Верхнем Египте (ср. *Herod.* II. 91). Однако по свидетельству Фукидида, Неаполь – карфагенский торговый порт (совр. Набедль) (*Thuc.* VII. 50).

⁷⁹ Лотофаги (букв. «поедатели лотоса») – мифическое племя в Ливии; попав к ним, Одиссей совершенно забыл о возвращении на родную Итаку (*Hom. Od.* IX. 82 sqq.).

⁸⁰ Насамоны, населявшие юго-восточное побережье Большого Сирта (ср. *Herod.* II. 32; *Strabo*. XVII. 3. 23 С 838 и др.), в 85–86 гг. подверглись нападению римлян («авсонийского копья»). Евстафий приводит дополнительные версии поражения насамонов: «Они (sc. насамоны) убили Лентула, одного из римских вождей, который туда пришел. Потому-то римляне и обратили их в рабство. Другие же передают, что они (sc. насамоны) потерпели сокрушительное поражение в то время, как вспыхнула гражданская война, потому что приняли сторону Катона [Младшего] против [Гая Юлия] Цезаря» (*Eust. ad Dion. Per.* 209).

⁸¹ Ср. *Herod.* IV. 170–171; *Strabo*. II. 5. 33 С 131.

⁸² Оракул египетского божества Аммона находился в оазисе Аммона (совр. Сива); здесь побывали послы лидрийского царя Креза (*Herod.* I. 46), в 332 г. до н.э. – Александр Македонский (*Arr. Anab.* III. 3. 1–5) и в римское время, возможно, – Катон Младший (*Lucan.* IX. 511 sqq.); см. также *Eur. Alc.* 116; *Mela.* I. 39.

⁸³ Кирена, основанная в середине VII в. до н.э. колонистами лаконского (спартанского) о-ва Феры во главе с Баттом, славилась плодородными почвами, разведением коней, а ее жители – искусством колесничной езды (*Strabo*. XVII. 3. 21 С 837; см. также *Pind. Pyth.* IV. 8–9; *Paus.* VI. 8. 3; XII. 7).

⁸⁴ Предлог ἐφύπερθεν («сверху, над») в данном случае обозначает направление от побережья в глубь материка (ср. лат. *super*), т.е. к югу.

краю материка эфиопы, рядом с самим Океаном⁸⁵, у Долины далекой Керны⁸⁶. (220) Перед ними поднимаются холмы темнокожих блемиев⁸⁷; отсюда ниспадают воды обильного Нила, протекающего мощным потоком из Ливии к востоку и называемого эфиопами Сирисом, а жители Сиены после поворота его течения дали ему имя Нил⁸⁸. (225) Отсюда он течет разными путями на север, разделяясь на семь рукавов, впадает в море, орошая своими водами плодородную египетскую долину. Нет ни одной реки подобной Нилу ни по количеству оставляемого [на берегу] ила, ни по степени обогащения земли. (230) Именно он отделяет Ливию от Азиатской земли: на западе [остается] Ливия, а к востоку – Азия.

Вдоль Нила живет род славных мужей⁸⁹: они первыми наладили ход жизни, первыми опробовали прекрасный плуг (235) и стали сеять зерна в ровные борозды, первыми измерили небесный свод [разделив его] по линиям и мысленно представив путь Солнца по наклонной. Теперь же я расскажу о рубежах их земли и о ее облике, ибо она заслуживает не меньшего почета; (240) по величине она немалая и среди всех других [земель] изобилует пастбищами, заливными лугами и приносит прекрасные плоды.

Ее очертания составляют три стороны: [одна] широкая вдоль северного побережья и [две] сужающиеся в направлении востока вплоть до высоковершинной Сиены, (245) что защищена с обеих сторон нависающими горами, между которыми устремляются вниз воды прекрасно текущего Нила. Владеют этой страной многочисленные и процветающие мужи, они населяют прославленные Фивы, древние стовратные Фивы⁹⁰, где (250) Мемнон приветствует своими звуками на рассвете Эос⁹¹, и [другие города] в самом центре земли Семиградья⁹² и на влажном морском побережье вплоть до озера Сербонис⁹³. На западной стороне [Египта расположен] македонский город⁹⁴, (255) где [находится]

⁸⁵ Приводимый здесь Дионисием список племен, населяющих внутренние области Восточной Ливии, чрезвычайно напоминает диатеку африканских племен у Страбона; однако, в отличие от Дионисия, Страбон перечисляет те же племена в обратном порядке – от эфиопов у южных пределов Ливии до мармаридов на средиземноморском побережье вблизи Египта (*Strabo*. II. 5. 33 С 131).

⁸⁶ Упоминание Керны в качестве острова к западу от Геракловых Столпов встречается у Эратосфена, который, по мнению Г. Бергера, позаимствовал эти сведения из перипла Ганнона (*Erat. F II A 9 Berger = Strabo*, I. 3. 2 С 47). Однако схолиаст и Евстафий связывают название «Долина Керны» с лесистыми и заболоченными областями южной части Ливии (*Schol. in Dion. 219; Eust. ad Dion. Per. 218*). Ср. «Долины Дафны» (ст. 916), «Мидийская Долина» (ст. 1017).

⁸⁷ Блемии – племя кочевников, которое, согласно Страбону, подвластно эфиопам и соседствует с египтянами (*Strabo*. XVII. 1. 2 С 786). Помпоний Мела и Плиний Старший помещают блемиев в список полуфантастических племен (*Mela*. I. 23; *Plin. nat. hist.* V. 44).

⁸⁸ Дионисий обращает внимание на обстоятельство переименования египтянами эфиопского гидронима Сирис в Нил (ср. *Herod.* II. 5–34), т.е. на факт «этнической» экспансии, что нашло символическое отражение в переименовании верхнего течения реки.

⁸⁹ Здесь начинается пространный экскурс Дионисия о египтянах, их образе жизни и стране (ст. 232–267).

⁹⁰ Стовратные египетские Фивы (в отличие от Фив в Беотии, ст. 623) причислялись к одному из «семи чудес света».

⁹¹ Мемнон – сын царя Эфиопии Тифона (брата Приама) и богини утренней зари Эос; участвовал в Троянской войне и погиб в поединке с Ахиллом, о чем говорится в недошедшей до нас кикладской поэме Арктина Милетского «Эфиопида» (см. также *Strabo*. XIII. 1. 11 С 587; *Psis*. I. 42. 3). Считалось, что сооруженная в Египте недалеко от Фив статуя Мемнона издавала на рассвете необычные звуки. Сохранившиеся греческие и латинские граффити свидетельствуют о том, что колосс Мемнона стал объектом посещения туристов еще в античные времена. Во время своего пребывания в Египте в 130 г. император Адриан побывал около статуи Мемнона.

⁹² «Земля Семиградья», т.е. Египет, включающий, по одной из версий Евстафия, такие крупные города, как Мемфис, Диосполис, Мемнонию, Малую и Большую Катаракты, Сиену и Вавилон на Ниле; по другой – Панополис, Антинополис, Ликополис, Гермополис, Гераклеополис, Оксиринх и Мемфис (*Eust. ad Dion. Per.* 251).

⁹³ Сербонис – название средиземноморской лагуны к востоку от г. Пелусия, место пребывания мифического Тифона, сына Геи и Тартара, вступившего в борьбу с Зевсом.

⁹⁴ Перифрастическое название Александрии Египетской, основанной Александром Македонским в 332–331 гг. до н.э.

жилище великого Зевса Синопского, богато украшенное золотом⁹⁵. Нигде на земле нет другого такого храма, более славного, чем этот, ни другого такого города, столь богатого, как этот, в котором издалека видны высокие башни Эйдофеи Палленской⁹⁶. (260) К востоку от него (sc. Египта) около горы Касий⁹⁷ люди населяют город, названный в честь Пеллея⁹⁸, они чрезвычайно сведущи в управлении кораблем; их, однако, не причисляют к ливийцам, поскольку они живут в городе, оказавшемся к востоку от семиустья Нила.

(265) Множество других [племен также] населяют эту землю: одни – вдоль Океана, другие – внутри материка, а третьи – вокруг вод широкого Тритонийского озера, которое в центре Ливии подобно широкому морю⁹⁹. Таковы облик и очертания Ливии.

(Продолжение следует)

⁹⁵ Свидетельство Дионисия – единственное в античной литературе упоминание об украшенном золотом храме Зевса Синопского в Александрии. Согласно Евстафию, эпитеты божества «Синопский» и «Мемфисский» равнозначны, поскольку первый происходит от названия горы Синопион в Мемфисе, которая считалась священной горой бога Сараписа; по другим версиям, эпikleза Зевса восходит к топониму Синопа Понтийская или к южнопонтийской реке Синопе (*Eust. ad Dion. Per.* 255). В схолиях к этому месту само святилище Зевса названо Синопой (Σινώπη) (*Schol. in Dion.* 255). Ср. ст. 772–779, где кратко излагается миф о преследовании Зевсом девы Синопы.

⁹⁶ Под «башнями» подразумевается знаменитый Фаросский маяк – одно из «семи чудес света». Согласно Гомеру, Эйдофея Палленская – дочь (по другой версии – жена) предсказателя Протея, вместе с которым пророчествует Менелаю на о-ве Фарос о судьбе греков после падения Трои (*Hom. Od.* IV. 349 sqq.). Александрийские стойки усматривали в гомеровском пассаже аллегорическое толкование материи, оформляемой Эйдофеей (букв. «богиня формы») (*Schol. in Od.* IV. 384).

⁹⁷ Находится в Азии, а не в Ливии, поскольку р. Нил служит водной границей двух материков.

⁹⁸ Перифрастическое название г. Пелусия. Пелей, царь Фтии, отец Ахилла, родом с Эгины; по поздней версии – родился в Фессалии у мыса Сепия.

⁹⁹ Внутреннее озеро в Ливии, расположенное в районе Сиртов. Мифический Тритон – сын Посейдона и nereиды Амфитриты, божество Тритонийского озера; помог аргонавтам выплыть в открытое море и даровал им о-в Калиста (Фера) (*Apoll. Rhod.* IV. 1551–1586; 1756–1758). По свидетельству Плиния Старшего, Тритон – древнее наименование Нила (*Plin. nat. hist.* V. 54; ср. *Herod.* IV. 178 sqq.), куда бурей был отнесен корабль аргонавтов.